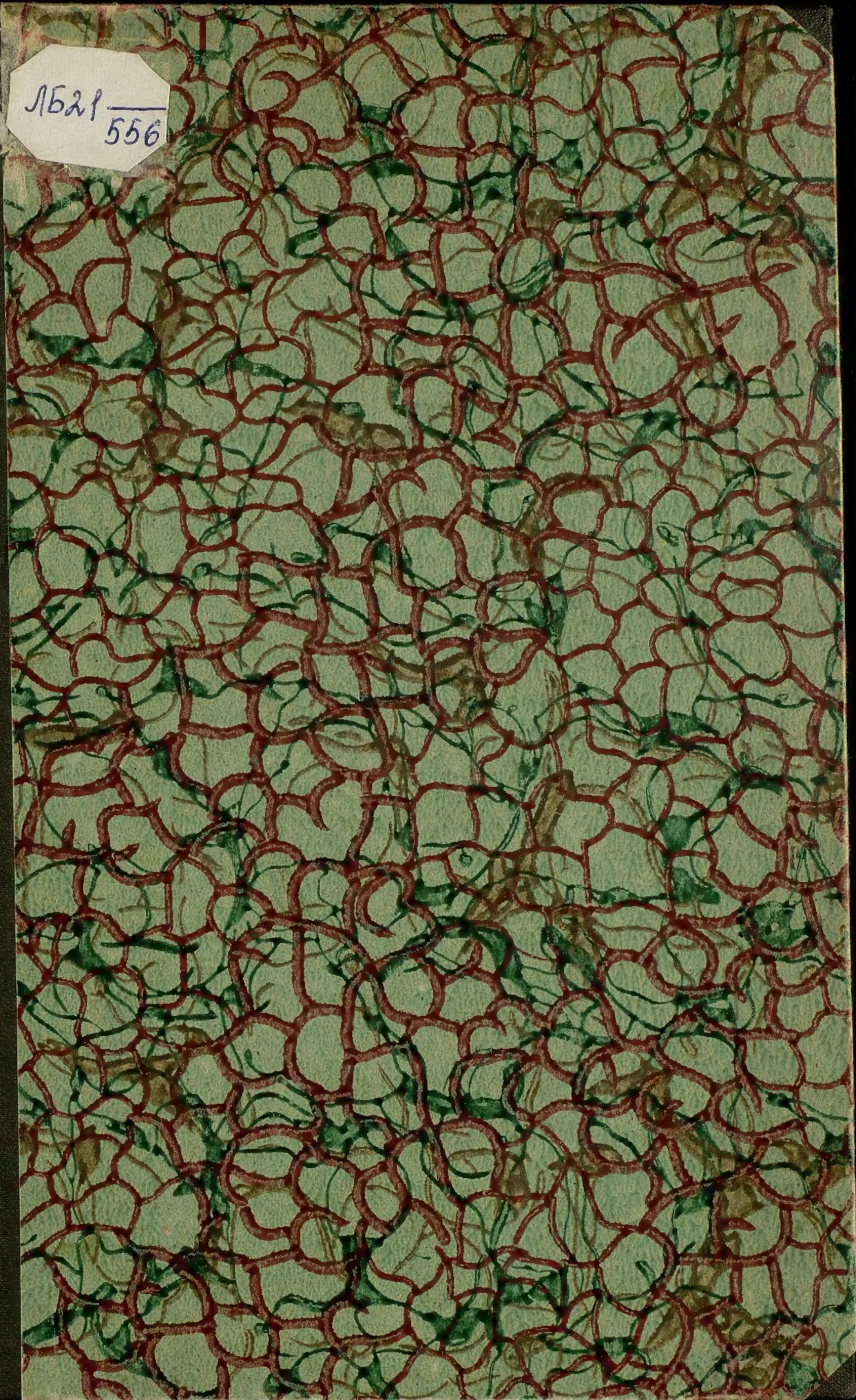
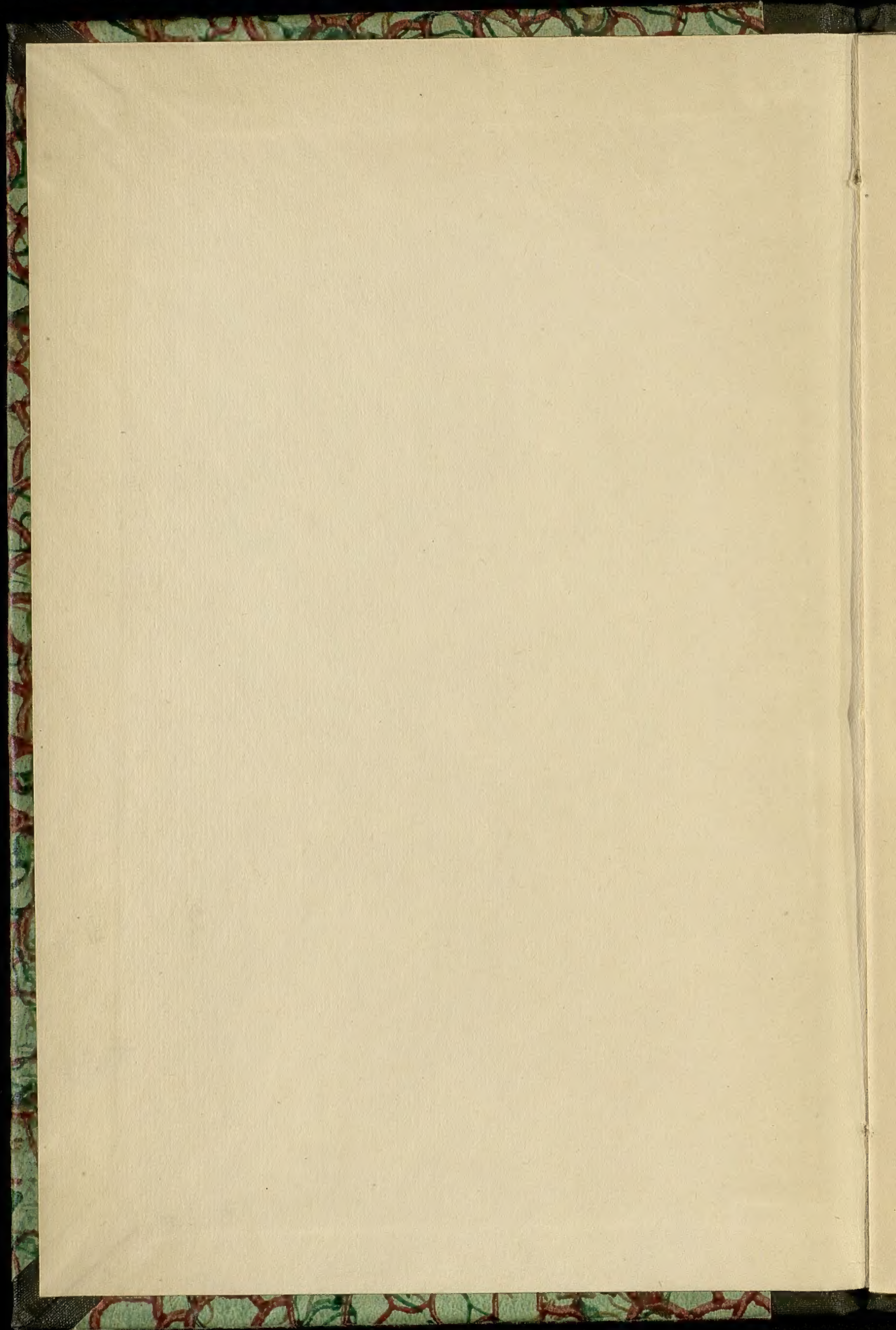

ЛБ21
556

Л521 / 556

И. С. ИСАКОВ

Адмирал флота

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ И НОВАЯ ОБСТАНОВКА НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Отдельный оттиск из журнала
„Морской Сборник“ № 5—6, 1944 г.

15/2

810317

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ И НОВАЯ ОБСТАНОВКА НА ЧЕРНОМ МОРЕ

И. С. ИСАКОВ

Адмирал флота

КРЫМ всегда был своеобразным «ключом», вернее — ключевой позицией для Черного моря, и, хотя эта сентенция родилась еще во времена парусного флота, она остается справедливой по сей день, когда обстановка на море не может уже рассматриваться изолированно от обстановки в воздухе. [1]

Если условно оставить в стороне исключительное политическое и экономическое значение Крыма как богатейшего края и здравницы СССР и обратиться только к вопросам военной географии, то одного взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться в следующем. Выдвинутое положение Крымского полуострова делает его форпостом, прикрывающим с морского направления всю южную Украину, и в то же время как бы разделяет весь бассейн моря на западную и восточную части. Если поставить одну ножку циркуля на Севастополь и измерить расстояния до важнейших пунктов черноморского побережья, то получатся такие данные: расстояния до Сулины (устье Дуная), до Одессы и до Инеболу (на Анатолийском берегу) практически равны (169, 165 и 167 миль, соответственно), расстояние до Констанцы — 208 миль, а до Новороссийска — 212 миль. [2] Это значит, что морские пути, проходящие вдоль западного и северо-западного побережья, так же как и вдоль южного и северо-восточного, могут контролироваться из Севастополя при совершенно аналогичной затрате времени, независимо от того, какими средствами будет осуществляться этот контроль, — самолетами, крейсерами или подводными лодками.

Наличие такой базы, как Севастополь, с одной из лучших бухт в мире по размерам и навигационному удобству и других, меньших портов (Феодосия, Ялта, Керчь) и полный контроль над входом в Азовское море—вот основные элементы стратегического положения Крыма.

Современная война, требующая комплексной оценки театра военных действий, не только с навигационной, но и с воздушной точки зрения (особенно в части естественных условий для базирования авиации)

---

[1] Другая сентенция, трактующая, что «ключом» к Черному морю являются Проливы, бесспорная в географическом смысле, значительно потускнела в стратегическом отношении с развитием авиации. Впервые она подверглась критическому обсуждению в 1929 г., когда через зону этих проливов в Одессу с разрешения Советского правительства прилетело крупное соединение итальянских тяжелых гидросамолетов «S-55» под командованием генерала Бальбо.

[2] Приведены навигационные расстояния; воздушные будут почти такими же.

не снизила, а повысила стратегическое значение Крыма. Несмотря на наличие горного кряжа вдоль южного берега, на всем остальном пространстве полуострова рельеф настолько спокоен, лесной растительности так мало и грунт столь удовлетворительный, что Крым представляет собой огромный аэродромный узел или, вернее, превосходный плацдарм для базирования авиации.

С этого плацдарма советская авиация наносила удары по портам Румынии, району Плоешти и по коммуникациям врага в западной части Черного моря, но с этого же плацдарма немецкая авиация летала в Закавказье, наносила удары по Новороссийску, Туапсе и Поти.

Немцы еще до войны отлично знали военную географию и цену Крыма. Поэтому они (помимо грабительских целей) так настойчиво стремились в Крым, так дорого заплатили за возможность кратковременного владения им и так упорно старались удержать его любой ценой, даже после вынужденного общего отступления их южных армий за пределы наших государственных границ.

Задолго до решающих событий, определивших окончательную судьбу Крыма, и особенно после форсирования Красной армией Днепра немецкое командование развило самую энергичную деятельность по обороне Крымского полуострова как с севера и с востока (со стороны Керченского пролива), так и с моря. В период, когда Крым был полностью блокирован с суши, т. е. со стороны перешейка войсками 4-го Украинского фронта, а с востока Отдельной Приморской армией, особое значение для немцев приобрели морская и воздушная коммуникации с Одессой и румынскими портами.

В этот период, еще обольщаясь надеждой удержать полуостров за собой, германское командование перебрасывало в Крым подкрепления и боевую технику, продолжая наращивать и развивать в глубину оборону Перекопа, района Чонгара, ишуньских позиций, Керченского полуострова, а также противодесантную оборону Феодосии и всего южного побережья.

Одновременно начала отмечаться своеобразная миграция большого начальства в обратном направлении с ценностями, захваченными в крымских дворцах, санаториях и музеях. Очевидно, некоторые немцы и румыны уже научились правильно оценивать общую обстановку и обрели некоторую способность предвидения.

В период, предшествовавший началу Крымской операции, Черноморский флот систематически действовал на коммуникациях противника подводными лодками, авиацией, а позже и торпедными катерами, срывая планомерный подвоз для вражеской группировки в Крыму и эвакуацию из него награбленного добра. Если в процессе организации морской и воздушной блокады Крыма на этом этапе войны количество сбитых транспортных самолетов и потопленных транспортов и барж было еще относительно невелико, то косвенное воздействие этой блокады на планы и расчеты противника было значительным, так как она заставляла немцев:

1) ходить только конвоями и преимущественно по ночам;

2) ходить вдоль берега, курсами, весьма невыгодными в навигационном отношении; [1]

[1] Чаще всего караваны барж и транспортов следовали из Севастополя до Евпатории, за минными заграждениями и далее мимо Тарханкута на Одессу, после чего опять спускались вдоль бессарабского берега к устью Дуная, т. е. удлиняли путь ровно вдвое.

3) отвлекать большое количество кораблей охранения для конвоирования транспортов и барж и

4) отвлекать значительное число истребительной авиации на прикрытие как морских караванов, так и транспортных самолетов.

В целом все это помимо прямых потерь приводило к снижению темпа перевозок.

Наиболее убедительным доказательством того, что воздействие Черноморского флота на коммуникации противника было эффективным, служит следующий факт. Немецкое командование для связи с Одессой организовало в Крыму погрузочно-разгрузочную базу в бухте Ак-Мечеть, которая плохо оборудована, относительно открыта (для северных ветров) и, что самое главное, не имеет железной дороги. В то же время сокращенный участок морского пути от Тарханкута до Севастополя (около 75 миль) располагался под берегом и за минными заграждениями, т. е. был относительно обеспечен защитой. И все же немцы вынуждены были от него отказаться, так как потеряли на этом участке несколько судов.

После падения Одессы положение с морскими сообщениями противника еще больше осложнилось и он вынужден был пользоваться переходами открытым морем в направлении на Сулину и Констанцу, варьируя курсы и прибегая к ложным маневрам с тем, чтобы вводить в заблуждение нашу воздушную разведку.

Интересно отметить, что помимо общепринятых мер борьбы со все уплотняющейся системой нашей блокады (таких, как организация конвоев, прикрытие их, маскировка, использование темного времени, плохих погод и т. д. для внезапного прорыва) противник применял и активные методы борьбы с блокадными силами. Он неоднократно пытался наносить удары по аэродромам, с которых выходили в патрулирование торпедоносцы или штурмовики Черноморского флота, атаковывал маневренные базы торпедных катеров и даже усилил дозор своих подводных лодок перед советскими базами, т. е. **применил метод контрблокады.** Однако эти усилия врага были недостаточны по масштабу и неверно целеустремлены, чтобы дать значительный эффект. Заблокировать подводные лодки, торпедные катера и тем более авиацию в черноморских условиях вообще трудно, поэтому контрблокада не спасла противника от потерь и не воспрепятствовала расстройству его коммуникаций.[1]

Одной из замечательных операций Черноморского флота в этот период кампании явилась скрытная переброска соединений торпедных катеров из кавказских баз в Каркинитский залив. Она была осуществлена весьма предусмотрительно (еще в марте 1944 г.) и прекрасно выполнена по организации и технике.

Немцы контролировали эту часть театра своей авиацией из Крыма и морскими силами из Севастополя, Ак-Мечети, Одессы и западных баз. Поэтому появление наших торпедных катеров на путях противника в Одессу было для него совершенно неожиданным. Попытка уничтожить эти катера с воздуха не увенчалась успехом, хотя их временная база была по сути дела во вражеском тылу. В последующем, с падением Одессы, когда немцы вынуждены были повернуть свою коммуникацию прямо на запад от Севастополя (к Сулине и Констанце), нали-

[1] Что касается больших кораблей, то наше командование не считало необходимым использовать их на этом этапе кампании. Таким образом для подводных лодок и катеров противника в море не было подходящих объектов.

чие торпедных катеров, базирующихся на Каркинитский залив, позволило воздействовать на морские сообщения противника с двух направлений и уплотнить блокаду.

Пока шли грандиозные бои по очищению от германских полчищ района Днепровской излучины, а затем и всего правобережья и юга Украины, в Северной Таврии и к востоку от Керчи происходило накопление сил и средств, велась систематическая и глубокая разведка, осуществлялось сближение вплотную к основным оборонительным рубежам, т. е. проводилась всесторонняя подготовка к одной из классических операций Красной армии в этой войне. Это было первым этапом так называемой Крымской кампании 1944 г.

Волею Верховного Главнокомандования по окончании методической и обстоятельной подготовки 8 апреля начался **штурм Крыма.**

Термин «штурм» в данном случае может быть принят в буквальном смысле, так как в предшествовавшие дни войска 4-го Украинского фронта пробились вплотную к оборонительным полосам Перекопского перешейка и Сивашу и вслед за прорывом и форсированием их штурмовали ишуньские позиции, а войска Отдельной Приморской армии, развернувшиеся под стенами Керчи, должны были штурмовать систему обороны противника, опиравшуюся на крепость и город Керчь, а левым флангом упиравшуюся в Азовское море.

За 2—3 дня система обороны врага, подготовлявшаяся почти два года, была прорвана и два стремительных потока героических воинов, жаждущих отомстить захватчикам, начали прорезать Крым по сходящимся направлениям к Севастополю. 11 апреля был занят важнейший железнодорожный и аэродромный узел Джанкой и одновременно, с другого направления — Керчь. Еще через два дня, 13 апреля, противник оказался выбитым из Феодосии, Евпатории и Симферополя, который был ставкой германского командующего в Крыму. На следующий день, 14 апреля, наши войска заняли Бахчисарай, Алушту, Карасубазар и Судак. 15 апреля передовые части Красной армии уже подошли к переднему краю оборонительного пояса легендарного Севастополя, захватив Качу, Мамашай, Бельбек, Дуванкой, Шули и другие пункты.

16 апреля была взята Ялта и вслед затем замкнулось кольцо осады вокруг Севастополя, от Качи до Балаклавы, т. е. от моря до моря.

Итак, в 5—6 суток были пройдены пути от Перекопа до стен Севастополя (около 250 км) и от Керчи до того же Севастополя (около 300 км). Этот стремительный и смелый маневр, синхронно начатый с двух направлений и выполненный в таком темпе, что некоторым подвижным отрядам приходилось делать в сутки по 40—50, а в отдельных случаях по 80 км, предопределил разгром вражеской группировки в Крыму.

Преодолевая попытки врага организовать подвижную оборону, заслоны, завалы и все виды заграждений, наши войска, наступавшие с севера и с востока, сомкнулись вокруг Севастополя, который превратился в пункт последнего прибежища врага на крымской земле.

Ни старинные «турецкие валы», [1] ни естественные рубежи или оборудованные позиции, вроде Ак-Манайских, подготовленные руками насильно согнанного населения и строительной организацией Тодта, ни, наконец, упорство обреченных солдат, брошенных германским командо-

---

[1] Турецкие валы и старые укрепления сохранились поперек Перекопского перешейка и Керченского полуострова и были в модернизированном виде использованы в системе немецкой обороны.

ванием на уничтожение с расчетом затянуть падение Крыма, — ничто не помогло. Замелькали телеграфные сообщения о массовых трофеях, о десятках тысяч пленных. В газетах появились корреспонденции с унылыми рассказами уцелевших немцев о предательстве начальства, заблаговременно улетевшего в Румынию, заявлениями о бесцельности попыток удержания Крыма и т. д.

В Крымской кампании Красная армия показала образцы исключительного мастерства и искусства подготовки и ведения современной наступательной операции в условиях преодоления сильнейшей системы обороны и последующего стремительного маневра в глубину расположения противника на сотни километров. Немцы много писали и говорили о молниеносных операциях в процессе всей войны, но на практике такие операции продемонстрировала Красная армия, в частности, при очищении Крыма.

Черноморский флот и Азовская военная флотилия в начальной фазе этой операции помогали Отдельной Приморской армии высадкой тактических десантов во фланг германских частей на Керченском полуострове, а в последующем — перевозкой через пролив всех частей этой армии, ее вооружения и тылов. Авиация Черноморского флота с полным напряжением действовала совместно с фронтовой авиацией по наземным целям при прорыве перекопских и ишуньских позиций, а большая часть ее вместе с торпедными катерами и подводными лодками осуществляла блокадные действия, срывая подвоз и вывоз из Крыма. Другие соединения морской авиации помогали Отдельной Приморской армии непосредственно и, кроме того, непрерывно атаковывали Феодосию, Судак и другие порты, в которых противник сперва имел резервы или склады, а позднее старался сажать свои уцелевшие войска на транспорты для их эвакуации. Эта боевая работа получила свое признание в том, что чаще всех из черноморцев в приказах Верховного Главнокомандующего упоминались как отличившиеся летчики генерал-лейтенанта авиации Ермаченко.

Тщательно подготовленный исторический штурм Севастополя длился непрерывно трое суток, с 7 по 9 мая. В результате его войска 4-го Украинского фронта прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев, состоявшую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и город Севастополь был взят. Еще раз сталинская стратегия продемонстрировала миру образец классической операции.

Три дня грандиозных усилий, концентрированного огня, массированного использования танков и авиации, движимых волей людей, которые были охвачены патриотическим подъемом, ненавистью к захватчикам и страстным желанием отомстить врагу именно здесь, на священных камнях героического города.

Три дня точного расчета, твердого руководства и искусного управления взаимодействующими пехотой, артиллерией, авиацией и всеми другими современными средствами борьбы, наносящими удар с нескольких направлений.

Те 16 километров от внешнего обвода до города, которые немцы в 1941/42 г. преодолевали в течение 250 суток, сейчас были пройдены нашими войсками фактически в трое суток, а если считать с начала подготовки к штурму — в 23—24 дня.

Не спасли немцев ни двухлетняя напряженная работа по восстановлению и наращиванию новых оборонительных сооружений крепости, ни громадные минные поля, ни многослойная проволока, ни объявленная на

весь мир немецкая гарантия, что Севастополь абсолютно неприступен, ни приказы из Берлина держаться во что бы то ни стало и оборонять «каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп». [1]

Не помогла даже более вещественная помощь в виде свежих пополнений, перебрасывавшихся в последние дни из Румынии на самолетах.

Уцелевшие части немецкой 17-й армии, ее средства усиления, части СС и румынские дивизии и бригады помимо штатного гарнизона с его вооружением создали в крепости исключительную концентрацию тяжелой и полевой артиллерии, минометов, зенитной артиллерии, танков и прочей техники. Отходя в обвод Севастополя, противник взорвал за собой все дороги, мосты и тоннели. Наконец, он имел те же три недели для подготовки к отражению штурма.

Красная армия не оставила немцам даже такого утешения или оправдания в поражении, как длительность обороны. Они были разбиты в три дня, и разбиты наголову.

После падения Севастополя понадобилось только три дня, чтобы окончательно разделаться с остатками разбитых частей противника, прижатых к оконечности Херсонесского полуострова.

В этот период Крымской кампании главной задачей Черноморского флота явился срыв эвакуации остатков германо-румынских частей из Севастополя.

Морская и воздушная блокада начала последовательно уплотняться. Для этого стали продвигаться вперед аэродромы черноморской авиации; торпедные катера переходили на маневренное базирование вплотную к вражеской коммуникации; число подводных лодок на позициях блокады увеличилось.

Темп и напряжение действий блокадных сил также последовательно возрастали, что в свою очередь привело к возрастанию числа потопленных немецких и румынских кораблей, транспортов, барж, катеров и сбиваемых самолетов. Противник менял курсы, применял дымзавесы, демонстрации и т. д., но в связи с сокращением темного времени суток и критическим положением в конце концов вынужден был, не считаясь с потерями, перейти на круглосуточную эвакуацию, лишь бы спасти то, что еще было возможно.

В условиях современной войны воздействие на коммуникации дает наибольший эффект, если атаковывать транспорты не только в море — на переходе, но и в базах — в процессе погрузки и выгрузки, если разрушать пирсы и причалы с их оборудованием, складами, подъездными путями, т. е. если одновременно снижать пропускную способность портов. Вот почему авиация дальнего действия 12 и 18 апреля бомбардировала гавани и причалы Констанцы, 17 апреля — Галац и многократно — бухты и рейды Севастополя. В свою очередь черноморская авиация атаковывала Сулину и Севастополь и ставила мины на подходах к ним.

Торпедоносцы, штурмовики и бомбардировщики соревновались в числе потопленных вражеских судов между собой, а авиация в целом — с торпедными катерами и подводными лодками. Но особенный праздник выпал на долю черноморских торпедных катеров. За всю войну, несмотря на напряженную и успешную боевую деятельность, они не имели таких возможностей, как в этой операции, и торпедники полностью эти возможности использовали.

[1] Этого требовал командующий оборонявшей Севастополь 17-й немецкой армии генерал Альмендингер в своем обращении от 3 мая 1944 г. Текст обращения, захваченный нашими войсками, см. в «Правде» № 114 от 12 мая 1944 г.

Избиение врага на воде и в воздухе продолжалось до того момента, пока оконечность Херсонесского мыса не оставили не только последние немецкие катера, но и импровизированные плоты и пока не добрались к своим берегам последние уцелевшие шлюпки.

В сообщении Совинформбюро об итогах Крымской кампании приведены показательные данные: «...нашей авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая **потоплено** с войсками и военными грузами противника: транспортов — 69, быстроходных десантных барж — 56, сторожевых кораблей — 2, канонерских лодок — 2, тральщиков — 3, сторожевых катеров — 27 и 32 других судна. Всего потоплено за это время 191 судно разного тоннажа».[1]

Как всегда бывало и раньше, в критические моменты войны взаимодействие пропагандистов германской армии и флота опять оказалось несостоятельным. В то время как радиокомментатор генерал Дитмар и часть прессы, забыв о том, что они проповедывали в течение двух лет, перестроились и стали утверждать, что Крым и Севастополь уже не имеют военной ценности, а эвакуация прошла удачно, своевременно и точно по планам германского командования, известный немецкий морской обозреватель контр-адмирал Гадов, правда, в очень деликатных выражениях, говорит о другом.

«Мы отнюдь не намерены, — пишет Гадов в «Дейче Альгемейне Цейтунг» 17 мая 1944 г., — изобразить наш отход из Крыма, как славную победу... Мы лишь воздаем должное этой необычайной операции.

Корабли выполняли свои задачи, невзирая на возраставшее превосходство противника в воздухе и бесчисленные атаки вражеского надводного и подводного флота».

Еще больше удружил немцам своей оценкой финский радиообозреватель Кристофер Шильд, который сразу же после падения Севастополя (11 мая) заявил:

«Разница заключается в том, что если в 1941/42 г. оборона Севастополя русскими действительно задержала на длительное время осуществление планов наступающих, то сейчас оборона немцами Севастополя, ввиду ее краткости, не причинила серьезного ущерба нападающей Красной армии».

Использование темного времени суток и тумана, стоявшего в течение трех дней, массовое применение мелких средств и привлечение для перевозок быстроходных кораблей позволили противнику вывезти некоторое количество крымских оккупантов, однако более значительная их часть помимо попавших в плен осталась на дне Черного моря.

Так завершились Крымская кампания и борьба за Севастополь.

Советская и мировая печать уже показала на ряде сопоставлений, как самоотверженно защищали русские свой любимый город в 1854/55 г., как героически защищали они его в 1941/42 г. и как, несмотря на ряд имевшихся преимуществ, бесславно провалились немцы, пытаясь удержаться в Севастополе в 1944 г.

Но надо сделать еще одно историческое сопоставление.

После Крымской войны Россия получила обратно город-герой усилиями дипломатов на Парижской конференции, а в Великой отечественной войне Севастополь — город славы — возвращен родине силой русского оружия.

Врагу было отомщено!

---

[1] «Правда» № 115 от 13 мая 1944 г.

«Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» — так писал Л. Н. Толстой 25 апреля 1855 г., находясь еще в осажденном городе. Его предвидение оправдалось, но он не мог знать, что 90 лет спустя героическим подвигом в период осады, а затем еще более героическим штурмом русский народ умножит славу предков и обессмертит себя еще больше, оставив неизгладимый след не только в истории России, но и в мировой истории.

«Сегодня поднялась над миром слава Севастопольского штурма».[1]

* * *

Очищение Крыма и занятие Севастополя привели **к созданию совершенно новой обстановки на Черном море.**

Если оглянуться на три прошедших года войны на Черном море, то можно резюмировать так: несмотря на последовательное наращивание сил и средств морской и воздушной войны и большие территориальные захваты, временно лишившие Черноморский флот его основных баз, в результате перелома в ходе войны в целом, начавшегося под Сталинградом, немцы так же непреложно, как и на других морях, вынуждены были на Черном море перейти от наступления к обороне, а затем начать поспешный отход на запад. Для Черноморского флота поворотным пунктом явились бои за Новороссийск.

Грандиозное и безостановочное наступление Красной армии привело к полному очищению всей южной Украины и вместе с тем всего побережья Черного моря. За очищением от врага таких портов, как Херсон, Николаев и Очаков, последовало освобождение Одессы.

Та самая героическая Одесса, которая стала могилой для половины румынской армии в 1941 г. и которая стоически оборонялась в течение двух месяцев от численно превосходящего врага, хотя в связи с внезапностью вторжения она и не была достаточно подготовлена к осаде, теперь была возвращена в итоге такого стремительного и безостановочного наступления, что противник не смог организовать ее оборону. Румынское командование в течение двух с половиной лет оккупации укрепляло Одессу, но в последний момент защищали ее не румыны, а германские части. Немцы, вероятно, охотно уступили бы эту честь румынам, но волею Красной армии германское командование уже не могло выбирать направлений для отступления от Николаева, и единственный возможный для них путь отхода оставался к низовью и устью Днестра и к Одессе. Румыны же предпочли ретироваться заблаговременно, не ожидая своих покровителей.

10 апреля 1944 г. областной город Украины, первоклассный порт и мощный опорный пункт противника, через который немцы питали свою группировку в Крыму и откуда выкачивали в Румынию всевозможные богатства Украины, — Одесса вновь стала советской. Черноморскому флоту была возвращена маневренная база.

Ровно через месяц, в ночь на 10 мая, Красная армия овладела последней цитаделью захватчиков в Крыму — Севастополем, и с этого момента все побережье Советского Союза на Черном море, за исключением небольшого участка морской границы Бессарабии, и абсолютно все советские морские порты и базы опять перешли в наши руки.

---

[1] «Известия» № 110 от 10 мая 1944 г., передовая статья.

Если взглянуть на карту, то становится очевидным, что к июню 1944 г., т. е. через три года войны, морские и воздушные силы противника опять вжаты в тот же контур системы базирования (Галац—Сулина—Констанца), который очерчивал вражеский плацдарм на Черном море при вероломном вторжении немцев в Советский Союз в июне 1941 г.

На первый взгляд оперативная обстановка на Черноморском театре восстановилась в том виде, какой она имела в начале войны. Однако такое заключение было бы глубоко ошибочным.

Как известно, **оперативная обстановка определяется не только военной географией, но также соотношением сил, т. е. их составом и качеством, их развертыванием и планами.** Если современная военная география Черного моря слагается почти из тех же элементов, что и в первый период войны, то соотношение сил на театре стало иным. Противник уже далеко не тот, так как он в качественном и количественном отношении претерпел значительные метаморфозы, причем не по своей охоте.

Как и летом 1941 г., германские и румынские подводные лодки, десантные и москитные силы базируются сейчас на Констанцу и Сулину, получают питание по Дунаю, ремонтируются в доках Галаца и укрываются от ударов в болгарских портах Варна и Бургас.

Как и в первые дни войны, германская авиация базируется на румынских и болгарских аэродромах, питаясь румынским бензином и действуя в направлении Одессы, Крыма и наших морских коммуникаций.

Как и в первый период войны, вернее, даже в значительно бо́льших масштабах, германские части занимают главнейшие политические, экономические и стратегические объекты Румынии и Болгарии, превратив своих «суверенных союзников» по сути дела в оккупированные страны.

Но как далеки эти морские, воздушные и сухопутные силы врага от тех, которые начинали поход на восток в июне 1941 г. с фанфарами и победными кликами!

Прежде всего на полях Советского Союза — от Сталинграда и предгорий Кавказа до Карпат, а также в Крыму — растеряно громадное количество самой разнообразной боевой техники. **В водах Черного моря потеряно большое количество боевых кораблей, вспомогательных и транспортных судов.** Сотни тысяч отборных головорезов погибли еще во время «дранг нах остен» и еще больше — при поспешном «дранг нах вестен». Многочисленные их экземпляры из числа уцелевших остались в наших лагерях для военнопленных. Растаяла на добрую половину румынская армия. Исчезли с поля боя итальянские части. Немецкие части пополняются преимущественно остатками «тотальников» и выздоравливающими.

И хотя остервенелый враг дерется с упорством обреченных, все же это **— отступающая армия, обороняющийся флот, подавленная авиация,** это — армия с изнемогающим тылом и с союзниками, «смотрящими в кусты». **«Теперь уже всем, должно быть, ясно, что гитлеровская Германия неудержимо движется к катастрофе».** [1]

Но теперь на Черноморском театре есть еще один элемент обстановки, которого не было раньше.

В октябре 1941 г., когда авиация Черноморского флота из Крыма стала впервые наносить удары по Бухаресту и нефтеносному Плоешти, ближайшая английская авиация, дислоцированная на аэродромах Египта, была занята в районе Соллума, а летчики американской авиа-

[1] Приказ Верховного Главнокомандующего № 16 от 23 февраля 1944 г. «Правда» № 46 от 23 февраля 1944 г.

ции лишь читали газетные сообщения о ходе войны в Европе, не предполагая, что так скоро наступит и их час.

Когда же американские «Либерейторы» из состава 9-й авиагруппы со средиземноморских аэродромов впервые (для союзников) атаковали 1 августа 1943 г. тот же Плоешти, авиация Черноморского флота была занята в борьбе за Новороссийск, а авиация Красной армии — поддержкой развивавшегося наступления после решительного разгрома германских частей под Орлом и Белгородом.

Но вот наступила весна 1944 г., когда Бухарест и Плоешти уже подвергаются систематическим ударам англо-американской авиации, перешедшей на южно-итальянские и советские авиабазы, и когда наша авиация дальнего действия громит Констанцу, Галац и румынские аэродромы, а черноморская авиация остальные порты. Кроме того, советская и союзная авиация систематически минирует воды Дуная, парализуя движение на этой важнейшей коммуникации противника. Сейчас **вся Румыния, из края в край перекрывается «двухслойным огнем» советско-англо-американской авиации** и находится под все возрастающим воздействием ее ударов.

Наконец, Красная армия в процессе почти непрерывного и победоносного наступления вступила на территорию Румынии и, форсировав реку Серет, гонит немецкие и румынские части в глубь страны.

Вот почему обстановка на Черном море не возвратилась к исходной, **а в корне изменилась и стала новой.**

Эта новая обстановка в данный момент определяется следующими основными положениями:

1) «. . . нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге»[1] и

2) «Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское Правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника».[2]

По сей день продолжаются действия неприятельских подводных лодок у кавказского побережья, удерживаются на части бессарабской территории германо-румынские силы и вражеская авиация пытается оспаривать над западной частью моря господство в воздухе. Однако все эти действия, несмотря на упорство и ожесточение противника, носят **все черты обороны и стремления любой ценой выиграть время, затянуть войну и отдалить час окончательной катастрофы.**

Несмотря на все старания германской пропаганды, значимость самого факта разгрома немцев в Крыму и вытекающие из этого последствия сразу же были правильно оценены не только нашими союзниками, но и нейтральной и даже финской печатью.

Шведский полковник Братт в своей статье «Немецкая катастрофа под Севастополем», помещенной в газете «Стокгольмс Тиднинген» 10 мая 1944 г., напомнил, что «сами немцы раньше сильно подчеркивали

---

[1] Приказ Верховного Главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. «Правда» № 105 от 1 мая 1944 г.

[2] Из заявления Советского правительства, сделанного 2 апреля 1944 г. Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР тов. В. М. Молотовым представителям советской и иностранной печати. «Правда» № 81 от 3 апреля 1944 г.

значение Севастополя. Они отмечали, что, **обороняя Крым, они обороняют одновременно от русского нападения западное побережье Черного моря.** Если эта немецкая оценка была правильной раньше, то она правильна и теперь, но севастопольская крепость пала. Катастрофа стала фактом».

На следующий день, 11 мая, упомянутый уже нами финский обозреватель Шильд возвестил по радио из Хельсинки общеизвестные истины, которые вряд ли удовлетворили его немецких хозяев. Он сказал: «Положение на Черном море с падением Севастополя и обратным захватом Крыма, несомненно, коренным образом меняет всю обстановку на юге в пользу России. Важно то, что с обратным переходом севастопольской базы в руки русских Черноморский флот получает возможность эффективно расстраивать коммуникации вдоль западного побережья Черного моря».

Из приведенных высказываний ясно, что изменения, происшедшие на Черном море, становятся очевидными не только для нас, но и для противника и нейтральных наблюдателей.

Такова новая обстановка на Черноморском театре военных действий, в которую **сам Черноморский флот входит тоже новым слагаемым,** ибо за три года войны с немецко-румынскими захватчиками он приобрел большой опыт современной морской и воздушной войны и научился бить противника.[1]

Имея превосходство в силах, в системе базирования как кораблей, так и авиации, отработанную систему взаимодействия с приморскими флангами армии и замечательный личный состав, прошедший через все этапы героической обороны и не менее героического наступления, Черноморский флот должен стать подлинным хозяином Черного моря и помочь Красной армии добить фашистского зверя в его собственной берлоге.

[1] Гросс-адмирал Дениц тоже по-своему понял, что наступил новый этап войны на Черном море, так как 18 мая 1944 г. послал помощнику румынского министра национальной обороны по морским делам телеграмму такого содержания:

«Эвакуация румынских и германских частей из Крыма, осуществленная усилиями флотов обеих стран, явится **началом новой эры боевого содружества** Германии с союзными ей странами».

После разгрома в Крыму и побоища на воде эта «новая эра» вряд ли может быть блестящей, особенно в свете официального предостережения правительств СССР, США и Соединенного королевства, сделанного сателлитам Германии.

